

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

ПОРОДИТЬ СУБЪЕКТ В УСЛОВИЯХ РАЗРУШЕНИЯ ОЧЕВИДНОСТЕЙ

Запись заключительной лекции, прочитанной Хулианом Карроном на духовных упражнениях священников Паченго, 5 ноября 2014 г.

Сегодня утром я проснулся с ощущением острой необходимости молить Духа обо всех нас, ведь только Дух может дать нам ту открытость, ту познавательную способность, которая позволяет замечать реальное положение вещей. Без такого сознания мы не то чтобы не предпринимаем инициативу (каждый из нас так или иначе действует в силу определенного способа воспринимать окружающие его вещи, видеть, каковы неотложные потребности), но то, что мы делаем, не имеет никакого влияния. Вот почему помогать друг другу подлинным образом смотреть на реальность, на обстоятельства – это первый жест дружбы, необходимый для существования, для переживания нашего служения, для жизни перед лицом нужд этого мира.

ИНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Первый дар, полученный нами от отца Джуссани и давший начало истории, которой мы принадлежим, – характерный для него способ восприятия реальности. Подумаем о беседе с ребятами в поезде или с теми, кто по выходным шел к нему на исповедь в церковь на бульваре Лацио в Милане в начале 1950-х годов. Разговаривая и исповедуя, он прекрасно понимал, какова ситуация, и потому-то и решил поменять все, в том числе и собственное академическое будущее, в каком-то смысле полностью разрушив планы своих наставников. Отец Джуссани поступил так, чтобы ответить на неотложную потребность, представшую перед ним во всей очевидности. Он начал именно с нее. В тот момент, когда Амброзианская Церковь не испытывала никаких особых затруднений с ортодоксальностью, когда ее учение передавалось совершенно спокойно, взгляд отца Джуссани уловил – по благодати – суть проблемы, ему удалось по-настоящему прочесть знаки времени, невидимые для остальных. То, что теперь очевидно для всех из-за последствий, которые мы наблюдали и продолжаем наблюдать, поначалу, как обычно и бывает, признавали лишь немногие. Гению достаточно и пары примет, чтобы прийти к общему выводу. Такова гениальность Духа, дарующая отдельному человеку благодать, в силу которой тот начинает понимать. На протяжении всей жизни отец Джуссани предлагал нам немало признаков иного взгляда, отличного от взгляда остальных людей, отличного и от нашего взгляда, а потому удивлявшего даже нас.

Что же было не так в те годы? Доктрина, передававшаяся со всей ортодоксальностью, больше не проникала в жизнь, не становилась опытом. Отец Джуссани положил начало Движению как раз для того, чтобы ответить на эту чрезвычайную ситуацию. Вот почему он стал поднимать тему опыта – ведь без него, то есть если доктрина не входит в жизнь и человек не переживает ее на опыте, мы не в состоянии понять природу веры. С самого начала он поместил в центр всего опыт: «Я здесь не ради того, чтобы вы усвоили идеи, которые я вам предлагаю, но чтобы научить верному методу суждения о том, что я говорю» (Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 130). Иными словами: я здесь не для того, чтобы убедить вас в чем-либо, а чтобы дать вам инструменты, позволяющие приобрести опыт и самим прийти к убеждению; так, постоянно сравнивая переживаемые события и критерии, которые вы обнаружите в себе, а также вовлекаясь в проверку сделанного вам предложения, вы увидите, как рождается ваша личность.

СЛАБОСТЬ СОЗНАНИЯ.

НИКАКОЙ РЕАЛЬНОЙ ОЧЕВИДНОСТИ БОЛЬШЕ КАК БУДТО НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Однако в определенный момент, спустя много лет после появления Движения, отец Джуссани заметил, что в жизни людей, особенно молодых, происходили очередные перемены. Они выражались не в некой нравственной непоследовательности, как многие из нас могли бы подумать. В этом не было бы беды. Он понял, что в молодежи восьмидесятых наблюдается не недостаток последовательности, не одна лишь нравственная хрупкость: «Мне кажется, разница заключается в большей слабости сознания, имеющей место в настоящее время; это не этическая слабость, а слабость энергии сознания. <...> [Сегодня] как будто не существует никакой реальной очевидности, кроме той, что в моде, ведь мода – проект власти» (L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro. 1986–1987*. Milano: Bur, 2010. P. 181–182).

Это истощение очевидностей усилилось в последующие годы и продолжается до сих пор. Сегодня мы можем лучше понять важность слов тогда еще кардинала Ратцингера, которые мы процитировали, говоря о Европе: «В эпоху Просвещения <...> на фоне противоборства конфессий и угрожающего кризиса образа Бога, была предпринята попытка оградить основополагающие нравственные ценности от противоречий и сделать их настолько очевидными, чтобы они были свободны от многочисленных разделений и шатких позиций различных философских течений и религиозных конфессий. Таким образом было выражено стремление упрочить основы совместного существования и – в более широком смысле – основы человечества. В то время это казалось реальным, поскольку великие убеждения, принесенные христианством, в большинстве случаев могли сдерживать натиск и казались незыблемыми. <...> Поиск такой обнадеживающей уверенности, которая могла бы оставаться неоспоримой, невзирая ни на какие отличия, окончился неудачей» (J. Ratzinger. *L'Europa di Benedetto e la crisi delle culture*. Roma-Siena: LEV-Cantagalli, 2005. P. 61–62).

В 1998 году все тот же кардинал Ратцингер писал: «Распад старых религиозных убеждений, который, казалось, можно было остановить семьдесят лет назад, в действительности продолжился. Вот почему становится сильнее и ширится всеобщий страх перед неразрывно связанным с этим распадом человечества» (Й. Ратцингер. *Вера, истина, толерантность*. М.: ББИ, 2007. С. 208–209). Поэтому, говоря о разрушении очевидностей – как в случае с европейскими выборами, мы указываем на некое явление, глубоко характеризующее наш исторический контекст. Джуссани не позволял последствиям ввести себя в заблуждение. Подобное разрушение в самом деле влечет целый ряд этических и нравственных последствий, но отец Джуссани четко определяет их причину: нет больше никакой реальной очевидности. То, с каким трудом нам удается осознать это, подтверждает, насколько и мы участвуем в сложившейся ситуации. Она зиждется на умалении человека и его основополагающих способностей, ведущем к непризнанию очевидностей. Это умаление, по мнению отца Джуссани, утверждается под влиянием власти. Главная цель, по которой власть наносит удар, – человеческое «я», желание, способность разума познавать реальность. Вполне вероятно, нас тоже определяет власть – куда больше, чем мы думаем. Первый признак этого – в том, как нелегко нам признавать тип разрушения, характерного для нашего времени. Поэтому власть может позволить нам отвлекаться на другие вещи, ведь, не улавливая причины, не узнавая источник всех негативных последствий, разворачивающихся перед нами, мы со всеми нашими делами не представляем для нее проблему.

Один друг напомнил мне в связи с этим следующую фразу Честертона: «Беда не в том, что наши мудрецы не могут найти разгадку; беда в том, что они не видят самой загадки» (ср. *Ортодоксия*. Гл. III. Пер. Л. Б. Сумм), – то есть не отдают себе отчет в проблеме, не видят очевидного, а потому им сложно понять все остальное. В скобках замечу, что вопрос касается не церковных объединений, прогрессистов или консерваторов, а взгляда на реальность, затрагивающего всех и каждого. С другой стороны, та же самая проблема вставала перед Иисусом в отношении с фарисеями: когда последние остервенело подчеркивали важность этики, что ими двигало? Они не понимали природу проблемы, и потому им достаточно было настаивать на этике. Пелагианство, с которым нам нередко приходится сталкиваться, зависит от непонимания природы человеческой проблемы. Вот почему мы можем прилагать невероятные усилия в многочисленных попытках найти решение, но при этом даже краем глаза не смотрим на суть вопроса. Порой Иисус кажется нам слишком наивным и возмущает нас, когда говорит: «Приглянитесь, ведь проблема, в конце концов, в другом». Все приходит в негодование: «Как это?! Как возможно, что Иисус полагает более важным отправиться на обед в дом Закхея, нежели прочитать ему лекцию о нравственности?» Поведение Иисуса приводит всех в замешательство. «Как такое может быть?»

Иисус воспринимает вопрос иначе – истинным образом. Сколько времени нам понадобится, чтобы понять это? Нечто подобное уже случилось с нами. Действительно, отец Джуссани видел некоторые вещи с самого начала, но потребовалось время, чтобы они стали прозрачными для нас, а потом и для всех. Проблема касается не объединений, не дискуссий, не диалектики. Если кто-то думает разрешить ее с помощью диалектики, значит, он не способен признавать очевидности, «наиболее очевидные» очевидности, уж простите мне игру слов, не способен уловить, что же творится, перед какими разрушениями мы находимся. Если нам это непонятно, нет смысла надеяться, что мы дадим сообразные ответы на вызовы, даже если будем действовать тысячами различных способов.

УМАЛЕНИЕ СПОСОБНОСТИ СМОТРЕТЬ

Объектом умаления является восприятие совокупности факторов, обуславливающих человечность как таковую. Отец Джуссани говорил, что, если мы этого не замечаем, значит, власть имеет на нас влияние и ограничивает нашу способность смотреть на реальность. Она прежде всего влияет именно на способность смотреть, а не на нравственные качества или умение быть последовательным. В результате мы не в полной мере познаем происходящее. Вот почему меня так сильно поразили слова отца Джуссани, которые я потом процитировал в упражнениях Братства (ср. Х. Каррон. *В стремлении достичь Его*): «Если мы столь постыдно разделены [изнутри самих себя], раздроблены, что даже единство между мужчиной и женщиной невозможно и никому нельзя доверять, если мы столь циничны в отношении всех и вся и равнодушны к самим себе [словно оторваны от самих себя], как же нам вытащить из этой трясины что-то, чтобы вновь возвести наши поваленные стены, получить цемент для строительства новых стен? <...> Когда мы так изранены, нам ли говорить: “Возьмемся за восстановление человечности!” Если мы до такой степени повержены, как же нам победить? <...> Необходимо, чтобы пришел кто-то извне – *должен прийти кто-то извне* [из-за пределов наших мыслей, нашей ограниченной способности смотреть; должен прийти кто-то извне – прямо сейчас, а не когда мы еще не начали жить христианством, должен прийти кто-то для нас, христиан, а не для тех, кто христианином еще не стал] и на развалинах нашего дома вновь возвести стены. <...> Здесь-то и кроется главная трудность <...> исконного христианства: человек становится собой посредством *чего-то иного*, приходящего извне» (L. Giussani. *E' sempre una grazia / E' se opera*. Suppl. 30 Giorni. Febbraio, 1994. P. 57–59).

Но такое положение вещей «нам не нравится» – настаивает Джуссани. Будьте внимательны: не нравится нам! Мы замечаем в себе сопротивление, поскольку каждый претендует на обладание уже ясными идеями. Подумаем о некоторых диалогах между нами: у каждого уже есть суждение о ситуации, о том, как следовало бы поступить, мы уже все знаем – и мы, священники, лучше остальных! Поэтому нам не нравится, что возводить наши разрушенные стены должен кто-то другой, приходящий извне, ведь это вынуждает «гостеприимно встречать нечто несоответствующее нашей фантазии, нашему представлению об опыте,

кажущееся абстрактным в своем притязании. [Таким образом] <...> мы останавливаемся [эту фразу мы должны зарубить себе на носу!] <...> на немощном стремлении исправить положение или на *лукавой, лживой претензии*; иными словами, *отождествляем средство исправления с нашим представлением об исправлении* [каким бы оно ни было] и [собственной] *волей к нему* [мы создаем некий образ и вверяемся нашей воле к исправлению, продвигая вперед то, что приходит нам в голову]. Так рождаются “разговоры” о нравственных ценностях, поскольку разговоры о нравственных ценностях предполагают, что спасение от распада происходит за счет силы фантазии и воли человека: “Объединимся, чтобы исправлять!”» (*Там же*).

ХРИСТОС ПРИШЕЛ, ЧТОБЫ ПРОБУДИТЬ НАШУ СПОСОБНОСТЬ ПОЗНАВАТЬ РЕАЛЬНОСТЬ

Если мы не поможем друг другу вырваться за рамки наших представлений и наших мыслей, если не прекратим яростных попыток реализовать их за счет собственных действий, то нам не удастся ответить на актуальные вызовы. Положение, описанное отцом Джуссани, – то же самое, о котором Церковь напоминает нам на протяжении всей своей истории: «Предписания естественного закона не всеми воспринимаются ясно и непосредственно. В нынешней ситуации грешному человеку необходимы благодать и Откровение, чтобы моральные и религиозные истины познавались “всеми без затруднений, с твердой уверенностью и без примеси ошибок”» (*Катехизис Католической Церкви*. П. 1960). Вот как обстоят дела. Первый Ватиканский собор говорил об этом еще в девятнадцатом веке, затрагивая вопрос познания Бога, что в последствии отразилось и в Катехизисе. Поэтому в документе, посвященном той же теме, Международная богословская комиссия утверждает: «Следовательно, ссылаясь на “очевидность” предписаний естественного закона, необходимо проявлять умеренность и благоразумие» (*Commissione teologica internazionale. Alla ricerca di un'etica universale: nuovo sguardo sulla legge naturale*. 2009. N. 52). Влияние секуляризации усугубило положение, и в результате современный человек оказался в условиях, охарактеризованных разрушением очевидностей.

Выходит, не по рассеянности отец Джуссани, отвечая на описанную ситуацию, сообщал нам христианство – не с целью убедить в своих идеях, а чтобы мы смогли вновь увидеть реальность, как она есть. Он говорил нам, что Христос пришел именно для того, чтобы вновь пробудить в нас религиозное чувство, способность познавать реальность. Если мы не осознаем это, то закончим латанием тех или иных дыр, но не поможем людям видеть. Действительно, ситуация в корне изменилась: нельзя сказать, что люди замечают некую очевидность, но, будучи дурными или закрытыми, отрицают ее; они ее просто не видят – вот следствие умаленной человечности, которую мы постоянно наблюдаем. Если мы видим, так это только потому, что мы христиане, ведь факт Христа вновь возвращает нас в условия, позволяющие видеть. Без него мы будем думать так же, как все. Поэтому не стоит упрекать других в неспособности видеть (мы можем так поступать, но это бессмысленно!): необходимо помогать им по-настоящему, чтобы они вышли из тупика и вновь увидели реальность.

Меня поразило замечание кардинала Сколы в интервью, которое он дал газете *la Repubblica* во время работы Синода, посвященного семье. По-моему, оно представляет ценность для нас, и поэтому я вновь предлагаю обратить на него внимание. Описывая современную ситуацию, в которой находится Церковь, Скола говорит: «Сравнение с сексуальной революцией [как последняя попытка индивида спастись от самого себя, согласно всем тем представлениям, которые каждый способен помыслить] – вызов, вероятно, ничуть не меньше того, что был брошен марксистской революцией» (*A. Scola. Il no ai divorziati resta, ma non è un castigo e sugli omosessuali la Chiesa è stata lenta / A cura di Paolo Rodari // la Repubblica*. 12 ottobre 2014. P. 19). Спастись от самих себя можно двумя способами: либо на социальном уровне, либо в индивидуальном порядке.

Наша история (я имею в виду жизнь Движения, на протяжении которой отец Джуссани сопровождал нас) – ресурс, позволяющий встречать лицом к лицу этот новый вызов, вовлекающий и Церковь, и нас. Тем не менее, порой мне кажется, будто, не изучив достаточным образом собственную историю, мы повторяем ошибки прошлого. И меня поражает, что в свете этой истории мы до сих пор не восприняли во всей ее насыщенности первую лекцию упражнений Братства: то, как отец Джуссани подошел к вызову марксистской революции шестьдесят восьмого года, какое суждение он вынес о нашей попытке ответить на него. Мы не сделали выводов и потому можем предпринимать те же самые усилия и совершать те же самые ошибки.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ НЕУВЕРЕННОСТЬ,

ЗАСТАВЛЯЮЩАЯ ИСКАТЬ ПОДДЕРЖКУ В ТОМ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ

Отец Джуссани говорил, что за нашими попытками, исполненными желанием ответить на ситуацию, стояло «понимание христианского вовлечения с точки зрения его эффективности, с упором на морализм». И даже больше – с полным сведением к морализму! [Поскольку мы до конца не понимали, о чем речь] <...> Второе <...> последствие – неспособность придать нашему дискурсу культурное измерение, вывести собственный христианский опыт на тот уровень, где он стал бы систематичным и критическим суждением и, таким образом, определенным руководством к действию. <...> Третье последствие – теоретическая и практическая недооценка авторитетного опыта, авторитета» (*L. Giussani. La lunga marcia della maturità. // Tracce*. N. 3. 2008. P. 63–64).

Почему, согласно отцу Джуссани, так происходило? По причине наивности, «наивности человека, говорящего: “Сейчас приду я и расставлю все по местам” <...> Какая тоска!» (*Там же*. P. 61). Действительно,

какая тоска, ведь множество попыток рождались и рождаются – мы и сегодня можем это констатировать – из «экзистенциальной неуверенности, глубинного страха, которые заставляют искать точку опоры в собственных способах самовыражения. Это наблюдение, однажды уже сделанное нами, крайне важно. Человек, исполненный неуверенности, испытывающий страх и экзистенциальную тревогу, подвластный им, ищет надежность в том, что делает: в культуре и организации. <...> Экзистенциальная неуверенность, глубинный страх заставляют принимать за собственную точку опоры, за причину <...> [собственной] состоятельности вещи, имеющие организованный характер или культурное значение». Самое ужасное следствие человек наблюдает практически сразу: все наши дела, «вся культурная и организационная активность не становятся выражением нового облика, нового человека», поскольку они выражают наш экзистенциальный страх. «Будь они выражением нового человека, – продолжает отец Джуссани, – то их могло бы и не быть – если обстоятельства не позволили бы, но человек удержался бы на ногах. Тогда как многие из присутствующих здесь людей без этих вещей не удержались бы на ногах, не знали бы, для чего они здесь, не знали бы, к чему прилепились: все это несостоятельно и не способно удержаться, потому что состоятельность моей личности – в присутствии Иного» (L. Giussani. *Uomini senza patria. 1982–1983*. Milano: Bur, 2008. P. 96–97).

Если мы не учимся у собственной истории, то, даже продолжая предпринимать инициативы, действовать, суетиться, мы не доберемся до подлинных корней вопроса и будем по-прежнему пребывать, как напоминает отец Джуссани, в наивности.

УГЛУБЛЕНИЕ ПРИРОДЫ СУБЪЕКТА, СТАЛКИВАЮЩЕГОСЯ С ПРОБЛЕМАМИ

Обращаясь к опыту Евангелия, он подчеркивает, что личность, умаленная властью, «вновь обретает себя в живой встрече, иными словами, в присутствии, с которым она сталкивается и которое излучает привлекательность» (L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro. 1986–1987*. Op. cit. P. 182). Если этого не происходит, все наши попытки ответить на новые вызовы, на это умаление, в результате которого человек довольствуется представлениями о себе, которые сам же и создает (тем или иным способом, возможно, отличным от предложенного предыдущей революцией), ни к чему не приведут. Не обретая вновь самих себя, после всех наших попыток решить проблему мы окажемся еще более ограниченными. Нам известно, насколько усилия многих наших современников неспособны уловить природу «я», а значит, и ответить на его глубинные потребности.

Как Иисус пробуждает человека, как вызволяет его из подобной ситуации? Он встречает людей, ставит их перед неумаленным человеческим присутствием – Своим присутствием. Ведь лишь столкновение с Ним, с Его присутствием, с Его ясным самосознанием, с Его способностью понимать всю насыщенность и все ожидание сердца, может пробудить в них человечность, восприятие важности их нужды, и они, таким образом, не теряют времени на поиски решений, заведомо неспособных ответить. Вот почему отец Джуссани настаивает, что «разрешение проблем, которые жизнь ставит перед нами каждый день, “происходит не через прямое столкновение с проблемами, а посредством углубления природы субъекта, с ними сталкивающегося» (A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Bur, 2014. P. 489). То есть, нужно углублять природу «я», природу собственного желания. Это не банальное утверждение, ведь, лишь когда «я» осознает себя на таком уровне, оно в силах освободиться от любых воображаемых решений и от любой глупости, приходящей в голову, на поводу у которых часто идем и мы.

В результате перед нами стоит та же проблема, какую с удивительной ясностью сформулировал Романо Гвардини. Мы можем повторить за ним, что «нашу человечность восстанавливает Христос», но вот в чем вопрос: «Кто защитит Христа от меня самого? Кто будет отстаивать Его свободу перед лицом моего лукавого “я” [перед умалением, производимым мной], желающего избежать необходимости по-настоящему даровать себя? Ответ: Церковь» (R. Guardini в Н.В. Gerl. *Romano Guardini. La vita e l'opera*. Brescia: Morcelliana, 1988. P. 45). В нынешнюю эпоху она особым образом достигает нас благодаря харизме. Так что если мы не понимаем, кто спасает Христа и харизму от нас самих, то теряем и Христа, и харизму.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХАРИЗМУ, ЛЕЖАЩАЯ НА КАЖДОМ

Всегда полезно возвращаться к тексту «Самая великая жертва – отдать собственную жизнь ради дела Другого» (*Il sacrificio più grande è dare la propria vita per l'opera di un Altro // L. Giussani. L'avvenimento cristiano*. Milano: Bur, 2003. P. 65–70), где мы находим инструменты, необходимые на нашем пути. В нем отец Джуссани говорит, что харизма была дарована ему по благодати, но должна достичь, охватить и нас. «Каждый несет ответственность за харизму; каждый является причиной либо упадка, либо роста эффективности харизмы <...>. Поэтому в настоящий момент крайне важно, чтобы каждый осознал ответственность – это насущная необходимость, требующая от нас честности и верности. Настал момент, когда каждый должен взять на себя ответственность за харизму», поскольку «сделать смутным и ослабить [это] – значит, сделать смутной и ослабить интенсивность действия истории нашей харизмы в Церкви Божией и в современном обществе». В попытке сделать харизму своей (и мы не можем этого не желать), реализовать личную версию харизмы, к которой каждый призван, <...> чем больше ты по-настоящему решаешь быть ответственным за харизму, тем больше она проходит через твой темперамент, через твою личность – не сводимое ни к чему призвание». В силу исторической конкретности харизмы, каждый может поступать с ней, как ему заблагорассудится: «Умалять, дробить ее, выделять в ней одни аспекты в ущерб другим (делая ее чудовищной), подчинять собственным вкусам, собственной выгоде, оставлять ее по халатности, из-за упрямства, из-за поверхностности, сводить

Как же надлежит жить, чтобы воспитывать субъект, способный предстоять перед реальностью? Вернемся к изначальному пункту: «*Никто не порождает, не будучи порожден*» (L. Giussani. *La gioia, la letizia e l'audacia. Nessuno genera, se non è generato. // Litterae Communionis-Tracce. N. 6. 1997. P. IV*), то есть не позволяя порождать себя сейчас харизме и истории, постоянно предлагающей всем нам инструменты, необходимые в пути. Благодать отца Джуссани в том, что он заботился лишь о такого рода порождении, словно предвидя нынешнюю ситуацию, в которую мы все больше погружаемся. Все вокруг волновались о прочих вещах – пусть даже и правильных. Но им казалось само собой разумеющимся, что субъект способен встречать лицом к лицу проблемы. И только отец Джуссани положил всю жизнь на то, чтобы породить «я», чему мы все свидетели.

Мы останемся верны харизме, харизма сможет существовать в истории, если будет расти способность Движения порождать взрослых людей, подобных отцу Джуссани, переполняемых присутствием Христа, радостных от опыта жизни во Христе настолько, чтобы свидетельствовать о Нем перед всеми. Нет иного пути – постоянно говорит нам папа Франциск – кроме свидетельства жизни, в которой Его присутствие переливается через край, так что каждый, кто нас встречает, может участвовать в полноте, которую мы получили по благодати и которую должны непрестанно и в простоте сердца вновь принимать, получать, без которой мы утрачиваем отношение с реальностью. Будем же поэтому помогать друг другу и взаимно поддерживать в этом воспитании.

Свет, исходящий от нашей истории, как мы сказали на упражнениях Братства, помогает вернуться к истокам: только так мы можем жить в настоящем историческом контексте и обладать иным взглядом, согласно подлинному способу пребывать в реальности. Как говорил нам папа, если мы не опираемся на нечто существенно важное (а существенно важен Христос), нам не избежать страха перед новыми вызовами. Суть вещей, возвращение к сути, к которому отец Джуссани неизменно призывал нас и к которому нас сейчас приглашает Святейший Отец, играет решающую роль. Без этого нам сложно будет оставаться достаточно свободными и искать новые формы и способы сообщать встреченную истину, как писал папа в послании к Митингу.

ДЕЙСТВИЯ НОВОЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ИНТЕРЕС

Всегда возвращаясь к сути вещей, мы сможем явить перед всеми определенное присутствие, новый способ пребывать в реальности, встречаясь с которым люди будут в состоянии преодолеть глубинные затруднения, не позволяющие им брать личную ответственность за что-либо в рамках обстоятельств. Чтобы человек ответственно предстал перед нынешними вызовами, должно произойти событие, пробуждающее все его «я», помогающее смотреть на вещи с ясностью во взгляде и прирастать к тому, что вновь признается очевидным. В противном случае мы не ответим, не внесем подлинный вклад в современную ситуацию.

Наш самобытный вклад, ради которого отец Джуссани все и начал, состоит в реконструкции субъекта, способного признавать истину, очевидность вещей, и прирастать к ней. Вот что делает вдохновляющим исторический момент, в котором мы живем: люди, видя в определенных действиях очевидность истины, пусть даже среди всеобщего безразличия (признака схождения на нет субъекта), начинают интересоваться, остаются привлеченными. Помните, как отец Джуссани описывал подлинное присутствие? «Новая реальность создается не за счет разговоров и организационных проектов, а через переживание действий новой человечности в настоящем» (L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza. 1975–1978. Milano: Bui, 2006. P. 66*), иными словами, действий, благодаря которым человек может видеть, осознать то, что делает его самим собой. Когда открываешь это, начинаешь меняться. Действия новой человечности, или дружбы.

Но взгляд на высоте человечности и компания, ведущая к судьбе, существуют лишь в силу присутствия Христова, ведь без Его присутствия мы не видим и ничего не в состоянии делать. «Христос совпадает с опытом меня самого», – сказал недавно один наш друг. Так преодолевается дуализм: Христос совпадает с опытом меня самого, переживаемым в моем отношении с реальностью. Присутствие Христа замечаешь не потому, что кто-то просто говорит: «Христос», – многие могут произнести имя. Его замечаешь, потому что переживаешь иной опыт себя самого, способного ухватить реальность и быть свободным, неподвластным окружающему тебя контексту.

Мы вместе для этого. Но, если мы хотим внести в современную ситуацию весомый вклад, нужно еще лучше осознать природу вызова. Иначе мы будем стараться залатать дыры последствий, что в некоторой степени может оказаться даже полезным, но ничего по-настоящему не изменит. Нам понадобится время: мы сажаем оливковые деревья, понимая, что, вероятно, не увидим плодов – разве только в редкие моменты и в отдельных людях. Именно поэтому так важно уметь хорошо определить цель, ради которой мы находимся в мире. Отец Джуссани понял ее очень четко и гораздо раньше остальных: Христос пришел, чтобы пробудить человека; Его присутствие подтверждается тем фактом, что люди, признавшие Его, иным образом относятся к реальности, переживают более насыщенно любое данное им обстоятельство. Только проделывая такой опыт, мы будем в силах сообщить его и другим, дав отчет в нашей вере и приведя в движение разум тех, кого встречаем. В противном случае наш вклад равен нулю.